

Анна Горностаева

Радуга.

12+

Анна Горностаева

Радуга

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Горностаева А. А.

Радуга / А. А. Горностаева — «ЛитРес: Самиздат», 2011

«Радуга» - это сборник рассказов, посвященных разным людям – детям и взрослым, ныне живущим и уже ушедшим из жизни, и тем, кто еще не родился. Герои рассказов – люди симпатичные и не очень, доброжелательные и угрюмые, энергичные и разочарованные в жизни. Каждый из них стремится к своей цели и считает свою задачу главной, первоочередной из всех задач на Земле.

© Горностаева А. А., 2011

© ЛитРес: Самиздат, 2011

КАЖДЫЙ

Каждое утро Боб приходит в свой рабочий кабинет и принимается за дело. Работы у него много, и она никогда не заканчивается. Боб трудится в поте лица, на совесть, хотя его никто никогда не контролирует. Он знает, что его благополучие и даже сама жизнь зависят от достигнутого им результата. А это – лучший стимул. Боб встает из-за рабочего стола только поздно вечером, усталый, иногда довольный собой, иногда разочарованный.

Понятия «утро», «вечер», «день», «ночь» здесь весьма относительны. Просто ночью принято отдыхать, а днем работать, хотя можно и наоборот. Можно вообще не работать, а, например, гулять – природа тут изумительная, много солнца и зелени, тепло, но никому и в голову не приходит бездельничать. У каждого есть свой кабинет с огромным экраном на стене и не уступающим по размерам столом со множеством рычажков и кнопок. При помощи этих устройств и осуществляется действие, отображаемое на экране. Иногда изображение расплывчато и нечетко, имеет схематичный вид и плохо различимо; бывает, что возникают картинки, подобные фотографиям, реже – фрагменты фильма. Все, что происходит на экране, создается усилиями Боба. Он критически проверяет полученный результат, проводит многочисленные тесты и только в случае полного соответствия поставленной цели считает данную задачу выполненной. На следующий день ставится новая задача, и все начинается сначала.

Боб не очень хорошо знаком со своими коллегами (назовем их так), сидящими в соседних кабинетах. Он едва ли знает большинство из них по именам и редко общается с остальными работниками умственного труда. Их не объединяет общая цель, каждый работает на себя. Только собственная судьба интересует каждого. Боб и его товарищи еще не родились. Они должны появиться на свет в будущем, впрочем, даже не должны, а, скажем так, имеют возможность. Для того, чтобы эту возможность обеспечить, необходимо выполнить множество условий, над чем и бьются, не разгибая спины, потенциальные жители планеты Земля.

Для того, чтобы что-то произошло в природе, необходимы благоприятные условия и стечение обстоятельств. Для того, чтобы на свет родилось новое существо, нужно, в общем, то же самое, но допустимость данного события ничтожно мала. Во-первых, надо, чтобы встретились мама и папа этой биологической единицы (если она не принадлежит к виду гермафродитов). Потом нужно повлиять на их обоюдное влечение друг к другу и желание обзавестись потомством. Здесь вступает в силу человеческий фактор – иногда подходящие друг другу по всем параметрам особи почему-то упорно не желают влюбляться друг в друга и создавать семью. Наоборот, они пылают страстью к совершенно неподходящему партнеру, и из этого черт-те что получается. Во всяком случае, это нарушает все планы и не дает возможность кому-то достойному появиться на свет. Боб, справедливо считая себя достойным представителем человеческого рода, борется за свое право на рождение.

Организовать встречу своих будущих родителей где-нибудь в подходящем месте, немного подкорректировать маме мозги, чтобы не сомневалась – это, пожалуй, самое простое. Про своих отца и мать Боб давно все хорошо знает: их имена и фамилии, вкусы, привычки, местожительство, даже подростковые комплексы – и те ему известны. Смоделировать ситуацию, вовлечь в нее мужчину и женщину, заинтересовать их общением друг с другом – и дело сделано. Но не все так просто. Самое трудное – то, что Бобу приходится действовать в разных временных пластах и не только контролировать также бабушек, дедушек и многочисленных прародственников, но и принимать во внимание случайные факторы, такие, как гроза, плохое настроение, опоздание на самолет и даже не вовремя сломавшийся каблук. Что уж говорить о таких глобальных вещах, как войны, революции, миграция населения, природные катаклизмы, грубо вмешивающихся в жизнь людей и переворачивающих все с ног на голову! Самое обидное – стоит что-то исправить в одном месте, как последствия этого изменения начинают расти как снежный ком и вносить свои коррективы. В результате обнаруживается громадная дыра с другой стороны, и хрупкий баланс вновь нарушается. Прибавьте к этому постоянную смену

картины в результате деятельности таких же, как Боб, тружеников, плюс своенравие уже существующих людей, так любящих нарушать с трудом выстроенные логические цепочки и закономерности. И кто только придумал дать свободу воли этим бестолковым существам!

Боб не на шутку удивляется своим будущим соседям по земному шару. Их поведение нельзя объяснить ни здравым смыслом, ни логикой. Они действуют странно, глупо, непонятно. Один из самых сильных побудительных мотивов – чувство зависти – вызывает у Боба глубокое недоумение. Возможно, когда он родится, то поймет, почему удача одного причиняет столько неприятностей другому и заставляет совершать невообразимые поступки. Еще одна человеческая черта – стремление к власти – тоже не укладывается ни в какие рамки: как можно жертвовать хотя бы одной человеческой жизнью, бесценным даром судьбы, чтобы добиться своей цели? Пусть эта цель будет великая и прекрасная, пусть ее воплощение в жизнь принесет счастье миллионам, но как быть с тем одним, кто пострадал? Нет, разумное существо этого никогда не поймет.

Особое недоумение вызывает то, каким образом люди проводят свою с таким трудом доставшуюся жизнь. Большинство из них все время несчастны – причем эти несчастья они сами себе придумывают. Почему бы не радоваться тому, что ты – молодой, здоровый, можешь ходить, разговаривать, видеть все вокруг, наконец, думать? Так нет же, то им материальных благ не хватает, то несчастная любовь приключается, а если есть и любовь, и деньги – так начинают искать истину и смысл жизни. А пока ерунду эту ищут, то так расстраиваются, что начинают задумываться о бренности всего земного и вообще о самоубийстве. Позор один, честное слово. Давно уже доказано – нет никакого смысла в жизни, а им неймется – все ищут, а когда не находят, орут, что их обманули. Да никто вам не обещал смысла в жизни, скажите спасибо, что сама жизнь есть. Так и маются люди до старости, а потом наваливаются болячки, одиночество, обида на молодое поколение – словом, опять несчастье. Глупость какая-то.

И все же, несмотря на непонимание, Боб стремится туда, к людям. Там интересно. Там все время что-нибудь происходит. У людей есть сильные чувства, а не одно лишь рациональное мышление, как здесь. В конце концов, люди живые. А Боб еще не живой – так, незаконченный проект, задуманная, но не написанная книга. Вот почему он так много работает и столь заинтересован в положительном результате своего труда.

Сейчас Боб прокручивает один из эпизодов молодости своей прабабки – день, который ему очень не нравится и портит всю картину. На экране его юная прабабушка плачет в коридоре института из-за «неуда» на экзамене по сопромату. Прабабушку, конечно, жаль, тем более, что «неуд» и «сопромат», согласно настольному словарю Боба, страшные вещи. Но правнука тревожат не слезы родственницы, а те последствия, которые они могут иметь в ее судьбе. По первоначальному плану, в этот вечер означенная девица должна отправиться на день рождения лучшей подруги Лели, куда приглашено много разношерстного народу, так как Леля – человек веселый и общительный и без компаний жить не может. На вечеринку попутным ветром занесет некоего Павла – личность беспутную и легкомысленную, но в глазах женщин абсолютно неотразимую. Внезапно разгоревшееся чувство станет началом долгого и мучительного союза, наполненного терзаниями, изменами ветреного спутника жизни, выяснением отношений и, наконец, тяжелым расставанием. Пройдя через все эти жизненные коллизии и осознав, что молодость безвозвратно ушла, а нормальной семьи все нет, прабабка обречена на то, чтобы прийти в отчаяние и выйти замуж за первого встречного, коим и окажется прадед Боба. Между прочим, этот неожиданно оказавшийся счастливым брак должен продлиться до самой смерти и принести супругам покой и благополучие.

И вот, из-за подлого профессора (вернее, из-за его ссоры с женой накануне экзамена) все пропало: прабабушкины знания, и так неглубокие, оценены менее снисходительно, чем следовало бы, ей грозит отчисление из института, день рождения отошел на второй план, встреча с сердцееедом Павлом под угрозой срыва. Соответственно, под угрозой рождение дедушки Боба,

(что уж говорить о его двух братьях и двух сестрах, но это их забота, пусть выкручиваются, как хотят), папы Боба и самого Боба. Надо срочно что-то делать.

Для начала Боб порылся в голове у несчастной двоечницы – может, ну его, этот институт, пусть пойдет на вечеринку, отвлечется – но номер не прошел: отказ от получения образования был чреват развитием комплекса неполноценности, фрустрацией, психическими заболеваниями. Ну нет, испугался Боб, зачем мне шизофреники в роду. Пришлось действовать со стороны внешнего фактора – отмотать назад на один день жизнь профессора и разобраться, что у него там произошло с женой, и почему на экзамен он явился злой как собака. Ага, все понятно: друзья зовут в воскресенье на рыбалку, а молодая жена устроила истерику и категорически не пускает. Ей, видишь ли, скучно. Не может одна полдня посидеть, цаца такая. Ну, здесь у нас свои методы – устроим жене романтическое увлечение, да такое, чтобы она сама мужу червей накопала и бутербродов впрок наделала, лишь бы из дому спровадить. И никаких упреков: «Конечно, дорогой, отвлекись, порыбачь, а то ты так устаешь на работе!» И вот наш профессор в предвкушении отдыха с друзьями, благодушный и слегка рассеянный, потому что мысленно уже с удочкой – как раз такой, как нам надо. А то, что молоденькая студентка бормочет ерунду, отвечая на вопрос, и все безбожно перепутала – ничего страшного, поставим ей тройку, пусть радуется, бедняжка. Всего и делов-то.

Покончив с профессором и предоставив ему самому разбираться в семейных проблемах, которые обнаружатся позже, Боб проматывает прабабкину жизнь на десяток лет вперед, чтобы удостовериться, что все идет, как надо: расставание с Павлом, отчаянное согласие на новый брак, дата и время зачатия первенца – все совпадает. Это очень важно проверить, ведь если запланировать потомство в другой день или даже час – появится не дедушка Боба, а совсем другой человек. А Боба это, сами понимаете, не устраивает.

Поистине, это гигантский труд – выстраивать связи, цепочки, часами обдумывать комбинации, каждое звено которых может рухнуть в любой момент! Иногда Боб чувствует себя уставшим, измотанным до предела, вконец обессиленным. Тогда он выходит за пределы здания, в сад, прогуливается по песчаным дорожкам и смотрит на прекрасные растения вокруг воспаленным, ничего не видящим взором. В мозгу продолжают тасоваться отработанные схемы, и часто в такие моменты его посещает правильная мысль. Тогда Боб спешит назад, за рабочий стол, и проверяет найденное решение. Таких праздно гуляющих по саду не так уж много, но одного-двух всегда можно увидеть, видимо, усталость дает о себе знать. Чаще других Боб встречает длинноволосую привлекательную брюнетку – она бродит между клумбами и шевелит губами, в такт своим мыслям. Зовут ее – Боб вспотел, пока запомнил – Анхесенпаамон.

Чудные имена никого здесь не удивляют, как не интересуют и телесная оболочка: ведь находясь в стадии до-рождения, человек имеет весьма условную внешность, возможно, абсолютно не совпадающую с его реальным земным обликом. Все особи находятся на одном уровне физического и психического развития, что соответствует примерно тридцати одному году человеческого возраста. Видимо, тот, кто создавал эту программу (интересно, кто он?) посчитал, что тридцать один – самый продуктивный возраст в жизни человека, неподвластный пагубному влиянию внешних факторов и защищенный от вредного воздействия изнутри, как то: меланхолия, перепады настроения и т.д. Каждый может назваться любым именем или даже словом, которое ему нравится – а от настоящего человеческого имени его отделяют годы, века, тысячелетия. Тут есть Стол, есть Кнопка, Жером, Хуанита, Экскаватор. Вот и Анхесенпаамон – чем не имя? Просто пересидела девушка в Древнем Египте, копаясь в своей родословной.

Один раз Боб даже подошел к ней и, не зная, как познакомиться, долго молчал, стоя рядом. Обсуждать эмоции было не принято, так как считалось, что до рождения никаких эмоций быть не может, а говорить о работе – скучно. Анхесенпаамон сама первая спросила его:

– Ты где родишься?

– В Москве, – это Боб знал точно.

– И я в Москве, – поддержала разговор египтянка.

– А... я думал, в Александрии. То есть в Каире, – среагировал Боб.

Анхесенпаамон фыркнула.

– Египтянином был только один мой предок в семьдесят первом колене. Он много путешествовал, судьба забросила его в Иудею, он женился на местной девушке и остался там. А остальные мои родственники совсем из других мест.

– Понятно. – Подобные истории про своих неугомонных предков Боб и сам мог рассказывать сотнями. Где только их не носило! И в пещерах каменного века, и в древнем Риме, и по средневековой Испании, и при дворе Наполеона...

– Красивое у тебя имя, – нашелся он наконец.

– Спасибо, – оживилась Анхесенпаамон. – Это в честь царицы. А ты скоро родишься?

Вопрос был дурацкий. Кто ж его знает, скоро ли? Два дня пройдет или двадцать веков? Обычно людей вызывали на рождение неожиданно. Если в программе все сложилось, если подходили нужные сроки, если не вмешивался кто-то посторонний... Если, если, если... Но все же у многих это получалось! Значит, существовала надежда.

Боб ответил тоже по-дурацки:

– Более-менее скоро. Вот только решу пару проблем...

– И я, – подхватила собеседница. – Мне тоже надо кое-что доделать.

На этом, собственно, их разговор закончился, потому что оба внезапно почувствовали угрызения совести от того, что работа простаивает, и поспешили каждый в свой кабинет. Но все равно поболтать было приятно.

XXX

В тот день все шло отвратительно. С самого утра беспокоила обстановка в Австро-Венгерской империи: императрица Елизавета, известная всему миру как Сисси, дольше обычного занималась утренним туалетом и грозила нарушить планы Боба. Свои роскошные, длиной до пят, каштановые волосы императрица холила и лелеяла и считала их главным украшением двора, если не страны. На мытье головы у нее уходило, как правило, целый день, на обычную прическу – не менее двух часов. В свите Елизаветы, насчитывающей около тысячи человек, состояли специальные служанки, приставленные заботиться о ее волосах. Пока несколько женщин, вооруженных специальными приспособлениями, наводили красоту на сиятельной головке, Сисси не теряла времени даром: сидя перед большим зеркалом в своих покоях Хофбургского дворца, она читала, изучала иностранные языки и даже писала стихи. Дар стихосложения, прославивший Елизавету среди ее подданных, хоть и был благом, но часто мешал сосредоточиться и вводил в меланхолию. Вот и сейчас мелькнувший в воображении образ чайки полностью переключил внимание поэтессы с урока греческого языка на материю более призрачную.

«Я – как чайка над волнами» – произнесла императрица. – Мятущаяся душа ... и море...» – Здесь она застряла, мучительно пытаясь поймать ускользающий образ. Учитель греческого языка, с томиком Гомера в руке, почтительно ждал, замерев за маленьким столиком подле красы и гордости Австро-Венгрии. Императрица повторила строчки про волны, но, видимо, чайка уже улетела, захватив с собой подходящую рифму. Это необыкновенно расстроило Сисси. Она была несчастна в браке с безмерно любящим ее императором Францем Иосифом или предпочитала думать, что несчастна. Действительно, о каком счастье может идти речь, если юную девушку, почти ребенка, выдают замуж в шестнадцать лет, заставив дать клятву, о которой она потом всю жизнь жалеет? Что может дать ей супруг, с головой погруженный в дела своей страны, называющий себя «первым чиновником», что в его понимании означает работать с пяти утра до поздней ночи, устраивать аудиенции для сотни человек за день, вникать во все проблемы с редкостной дотошностью и абсолютно непонимающий собственную жену? А эти балы, бесконечные приемы, дворцовый этикет! И почему женой Франца Иосифа не стала

ее старшая сестра Хелена, как оно и было изначально запланировано? Зачем угораздило императора влюбиться в нее, Елизавету, и взвалить на нее непосильное бремя монаршей жизни?

Утешение Сисси искала в занятиях конным спортом, гимнастике (что было новым в то время) и сочинении стихов. Однако, все это не давало ей полного успокоения, и она часто грустила. Вот и сейчас, расстроившись, она нашла, что прическа вышла неудачной, и заставила служанок все переделывать. Елизавета, надув губки, размышляла над своей несчастной судьбой, совсем забыв об учителе, застывшем в ожидании знака продолжать урок.

Пока императрица предавалась печальным мыслям, Боб нервничал и дергался перед экраном. Пошел уже четвертый час марафета, совмещенного с занятиями греческим – рекорд, ранее невиданный. Если через несколько минут учитель не выйдет из дворца и не попадет под фиакр – случится непоправимое. Знатная итальянская прапрапрабабушка Боба умрет через полтора десятка лет в родовой горячке, унеся с собой также жизнь младенца, и никто не сможет им помочь. Никто, если только не окажется во Флоренции знаменитого доктора, спасшего многих умирающих и безнадежных; того доктора, который, много лет назад будучи студентом, в Вене оказал первую помощь бедняге, попавшему под фиакр; того доктора, который в начале своей карьеры сомневался, стоит ли ему избрать медицину делом своей жизни, но отбросил колебания после чудесного выздоровления раззявы-учителя.

Боб прекрасно понимал, что загнать учителя под повозку было делом первостепенной важности. Но, сидя во дворце перед хмурой и прекрасной Сисси, учитель терял время, и белый конь, предназначенный для него, вполне мог промчаться мимо. Надо было срочно воздействовать на Сисси и заставить ее спровадить учителя как можно скорее. И Боб избрал правильный путь. Чем пытаться напрямую воздействовать на императрицу и побуждать ее к конкретному действию (а какая это мука – рыться в мозгах у неврастенички!), он решил действовать мягко и ненавязчиво – через вдохновение. Это сработало.

Рифма, ускользнувшая от Елизаветы, внезапно вернулась. За ней пригрезился новый образ, другая красивая фраза, и вот стих уже обрел очертания и мелодию, зазвучал, разлился морской волной. Сисси схватила бумагу и принялась судорожно записывать льющиеся строки, забыв обо всем на свете, равнодушная к прическе и к людям вокруг.

Я – чайка над морем,
Лечу на просторе,
И море меня согревает волною.
К свободе и воле
Стремлюсь я в неволе,
Грущу, проклиная тяжелую долю...

Сисси писала, охваченная внезапным приступом вдохновения, а Боб ликовал: скоро она отпустит учителя, так как сегодня ей будет уже не до греческого...

Боб так обрадовался своей удаче, что позволил себе пятиминутный перерыв и вышел подышать свежим воздухом. В саду было, как всегда, тепло, комфортно и пустынно. Лишь вдалеке маячила одинокая фигурка, вышагивающая по дорожке взад-вперед. Боб пригляделся: ну конечно, Анхесенпаамон! Его, что ли, поджидает? Да нет, глупости.

Родственница фараонов, похоже, была рада встрече. Нет, рада – не то слово, радоваться здешние люди не умели. Скажем так, ей было приятно встретить знакомого.

– А у меня проблемы, – с ходу заявила Анхесенпаамон. – Кошка разлила молоко.

– Какая кошка? Какое молоко? – не понял Боб. Насколько он знал, животные в округе не водились.

– Рыжая кошка. Зовут Буся. Прыгнула на стол, разлила молоко 12 августа 1932 года, оно попало хозяйке на праздничное платье... Столько мороки теперь из-за этого платья... Прямо не знаю, что делать...

– Надо нейтрализовать кошку, – разумно предложил Боб.

– Ну да, а как? – уныло отозвалась представительница древней цивилизации. – Кошкина голова – дело темное. Кто ее разберет, зачем она на стол прыгнула. Может, голодная была, или из вредности... Мотив непонятен.

– А заставить хозяйку переодеться пробовала?

– Исключено. Это – единственное выходное платье, а ей предстоит важная встреча.

Анхесенпаамон совсем поникла духом. К счастью, Боба посетила очередная гениальная идея:

– Собаку не пробовала?

– Как это – собаку?

– Ну, собака, лает на кошку, кошка убегает, залезает на дерево... И молоко цело. А с собаками договориться значительно проще.

– Верно, – просияла Анхесенпаамон. – Спасибо. Так и сделаю.

Никому другому Боб не стал бы помогать. Таковы правила – заботься только о своем рождении, иначе опоздаешь, потеряешь, упустишь возможность. Помогать другим – значит, вмешиваться в чужую судьбу, а тут дай бог в своей разобраться. Но египтянку было жаль – очень уж она хрупкая, беспомощная, наивная. Словом, женщина, которую хочется защищать. Интересно, в земной жизни она будет такой же воздушной, сероглазой, темноволосой? А вдруг родится кособокой, с бельмом на глазу и вредным характером? Нет, отмахнулся Боб, не может такого быть. Это было бы слишком несправедливо.

XXX

Следующие несколько дней Боб занимался вещами более приземленными, чем поэзия: затянули соседские склоки на коммунальной кухне, где стервозная баба Маня коварно гасила газ под кастрюлей потенциальной прародительницы Боба и не давала бедной женщине приготовить обед к приходу мужа с работы. Родственница злилась, пыталась выяснять отношения, а под конец так разобидилась на вредную соседку, что всю энергию своего молодого здорового организма направила на вынашивание плана мести, вместо того, чтобы думать о продолжении рода.

Боб упорно втолковывал женщине, что есть в жизни вещи поважнее разборок в московских коммуналках, но та отказывалась верить: для того, чтобы убедить ее, понадобилось поднять чуть ли не всю родословную и модифицировать ген скандальности и агрессивности. Когда наконец мадам отказалась от плана мести (а он был хорош – подбросить в соседский чайник собачьи экскременты) и обратила свою энергию в мирное русло, Боб чувствовал себя измученным, словно целый день разгружал вагоны.

Немного передохнув, он разобрал еще пару семейных проблем, задержал в пути поезд, который никак не должен был прибыть вовремя в немецкий город Брауншвейг, выкинул из телевизионной программы очередную серию бразильской мыльной оперы, из-за которой могло быть отложено давно планируемое свидание, и, довольный собой, откинулся в кресле. Каким-то образом он чувствовал, что близок к решению, скоро на рабочем столе загорится красная лампочка, что означает – все, программа завершена. И тогда... даже думать об этом было страшно, но одновременно с тем упоительно. Тогда Боб с полным правом будет называться человеком. Он узнает все радости и горести, испытает боль и великое счастье. Ему предстоят взлеты и падения, любовь, разочарование, признание и критика. Как это прекрасно и как обременительно!

Но рано было предаваться мечтам – необходимо было еще раз все проверить. Боб решил вернуться к австрийской императрице, чтобы удостовериться, что все сработало, как надо. Он часто так делал – прокручивал пленку назад, закреплял успешный результат, прежде чем с легким сердцем взяться за новое дело. В Вене все шло хорошо – поэтическое вдохновение помещало Елизавете продолжить урок иностранного языка, учитель благополучно был сбит лошадью и получил необходимую медицинскую помощь от проходящего мимо студента-медика,

который утвердился наконец в своем призвании. Успокоенный, Боб из чистого любопытства вернулся к Сисси – как там ее творчество?

Оказалось, и ей Боб помог. Красивое стихотворение о чайке повлекло за собой дальнейшее развитие дарования: целый цикл меланхолических произведений был написан Елизаветой, все совершенствующей свое мастерство. Так, хорошо... Образ одинокой мятущейся птицы настолько укоренился в ее сознании, что она еще больше отстранилась от мужа и троих детей, предпочитая затворничество светской жизни и семейным радостям... Ну ладно, что дальше? Забота о собственной фигуре, маски для лица из сырой телятины, кокаин для поднятия настроения... Вот глупость какая...

И тут Боба как током ударило – оказывается, смерть кронпринца Рудольфа, единственного сына Сисси и Франца Иосифа, напрямую связана с той проклятой чайкой, которую черт дернул носиться над морем! Конечно, в этой цепи десятки звеньев, но результат – вот он, прямо перед Бобом, на экране: охотничий домик в венском лесу, тридцатилетний наследник престола со своей возлюбленной и два выстрела. Двойное самоубийство. Официальная причина никогда не была установлена. Историки говорят, что принц не был готов к управлению страной, страдал от возложенного на него бремени славы и ответственности, на него возложенного; что был подвержен психическим заболеваниям; что наконец нашел ту женщину, с которой он хотел бы умереть, поскольку сам был не в состоянии прервать свою жизнь, и поручил это ей. Подозревали также заговор со стороны младшего брата Франца Иосифа. Какой там заговор! Вот она, причина, обнаруженная Бобом – проклятое стихотворение, дело его рук.

А что же Сисси? Тут еще хуже: депрессия, терзания, попытка отвлечься от невыносимого горя на чужбине... Путешествия – по морю, по железной дороге, разные страны, новые люди. Но нигде нет успокоения, нет мира в душе... И наконец точка – Елизавета убита итальянским анархистом, убита случайно, просто подвернулась под руку, под остро отточенный напильник, предназначенный совсем для другого человека. Но Боб знает, что все случайности крепко связаны между собой, связаны им, Бобом, движениями его пальцев, нажатием кнопок, находящихся на его столе, переключением рычагов. А если бы не было этих действий, не появилось бы стихотворение, не возомнила бы себя императрица великой поэтессой, была бы повнимательнее к мужу и детям... Но тогда Боб не родился бы.

Что же получается, Боб – убийца? Пусть невольно, но он виновен в смерти двух человек? Да что там двух, одному богу известно, сколько людей обрекает он каждый день на страдания и гибель, нажимая свои кнопки! И все это ради единственной цели – родиться, появиться на Земле, жить среди таких же жестоких и эгоистичных людей, равнодушных к чужому страданию!

Голова пошла кругом, и Боб как-то вдруг почувствовал нехватку свежего воздуха. Внезапно он ощутил боль в груди, там, где у людей бьется сердце. Но у него не было сердца, у него ничего не могло быть – ни страданий, ни угрызений совести, ни огорчений. Лишь трезвый ум и рассудительность. Он сделал несколько глубоких вдохов и попытался успокоиться. Это удалось лишь отчасти. Только что сделанное открытие угнетало его, давило, мучило. Он решительно выключил экран и покинул кабинет.

В саду неизменно сияло солнце, и все дышало покоем и умиротворением. Казалось, что на Земле нет горя и страданий, не умирают люди, не подстерегает каждого из них глупая и нелепая случайность, готовая разрушить самые прекрасные планы... Здесь, где ничего никогда не изменяется, где население не болеет и не стареет, где всегда умеренная комфортная температура и идеальное магнитное поле, человеческие страсти представлялись фальшью, неуклюжим фарсом, придуманным сценаристом-неудачником. Что заставляет людей губить себя и других, разрушать планету, уничтожая ее медленно, но верно? Что толкает здешних обитателей туда, где царят несправедливость, измена, предательство, эгоизм и хаос?

Боб был так погружен в свои размышления, что не заметил Анхесенпаамон, настороженно наблюдающую за ним из-за куста сирени и не решающуюся подойти. Видимо, она почувствовала перемену в его настроении и была права в своих подозрениях: когда он заговорил с ней, решение было уже принято. Боб хотел объяснить, рассказать о своих соображениях, предупредить ее. Но этого не потребовалось.

– Я все знаю, – огорошила его приятельница. – Ты решил отказаться.

– Да, – горячо заговорил Боб. – Я туда не хочу. Я больше не буду ничего делать. Людям не надо туда попадать – там, на Земле, они становятся глупыми и злыми. Не такими, как здесь. Они убивают друг друга. Убивают себя. Там все неправильно. Чтобы туда попасть, надо сделать много плохого. Я больше не хочу.

– Я знаю, – опять повторила Анхесенпаамон. – Только это не совсем так. Не всегда. Не все. И там есть счастье. Его мало, но оно случается. А я очень хочу познакомиться со своими родителями.

Боб нетерпеливо мотнул головой.

– Ладно. Знакомься. Живи, если тебе так хочется. А я остаюсь.

– Нет, – грустно проговорила наследница фараонов, – тогда я тоже остаюсь. Потому что если ты не родишься, я тоже не могу родиться. У меня сбой в цепи, понимаешь?

Боб не понимал.

– Какая цепь? Ты что, моя родственница? Дочь? Внучка?

– Нет, все проще, – заверила его собеседница. – И все сложнее. Вот послушай. Когда твоя мама вывозила тебя из подъезда в коляске на прогулку, колесо зацепилось за порог, и ей понадобилась помощь. Проходящая мимо девушка подержала тяжелую дверь, а заодно пообщалась с симпатичным малышом. Потом она поняла, что потеряла пять минут и, чтобы не опоздать на работу, пошла короткой дорогой, а не как обычно – через парк. Пока она шла непривычным путем, взгляд ее упал на афишу нового кинофильма. Афиша была столь броская, что врезалась ей в память, и в тот же вечер она отправилась с подругой в кино...

– Ну и что? – нетерпеливо перебил Боб. – Что это был за фильм? А эта девушка что, твоя мама?

– Подожди. – Анхесенпаамон остановила его поистине царственным жестом, достойным ее далеких предков. – Фильм назывался... я забыла как, но там играет знаменитая актриса, блондинка... у нее еще муж боксер. Ладно, неважно. Выйдя из кинотеатра, подруги оживленно обсуждали картину, а в это время мимо проходил мой папа и случайно услышал обрывок разговора. Он как раз раздумывал, куда бы пригласить свою девушку, чтобы сделать ей приятное, и решил, что этот фильм – то, что надо...

Боб опять встрял в рассказ:

– Я понял про твоих родителей. Но при чем тут кино и я, и моя коляска? Они вполне могли зачать тебя без всякого фильма. Или им требовался дополнительный стимул?

– Ничего ты не понял, – рассердилась Анхесенпаамон. – Папина девушка не стала моей мамой, потому что они поссорились в кинотеатре из-за поп-корна. Она хотела сладкий, а он – соленый. Никто не был готов уступить. А покупать два отдельных ведра – неразумно, если пришли вместе... Ты меня слушаешь?

– Слушаю, но где логика?

– Логика простая – через месяц папа познакомился с мамой, и его сразу привлекло, что мама похожа на эту самую актрису, которая так талантливо сыграла главную роль. Только мама не блондинка, но все равно, очень напоминает эту самую... как же ее зовут... не могу вспомнить...

Да, с памятью у Анхесенпаамон было не очень. Интересно, как она свое имя умудрилась запомнить? Наверное, зубрила несколько дней, чтобы не ошибаться. Как же она будет жить, такая незащитная, слабая, рассеянная?

Они расстались так же внезапно, как всегда: она вдруг вспомнила о работе и поспешила к своему экрану – ей так хотелось поскорее родиться. Возможно, она сможет найти другой способ познакомиться родителей, уже не надеясь на Боба.

А ему уже некуда было спешить, и он долго смотрел ей вслед. И думал, что одна, без помощи, она пропадет на Земле. Кто будет оберегать ее? Кто будет решать ее проблемы и напоминать ей имена актеров, которые она забыла? «Ладно, я найду ее, – решил он внезапно. – Найду и расскажу, что я родился только для того, чтобы она тоже родилась». И сразу же возникла новая задача – надо выяснить, что это за фильм. И как зовут эту блондинку-актрису. Потом отобрать всех молодых мужчин, запавших на ее внешность, и всех девушек, на нее похожих. Вот таким образом мы и будем искать Анхесенпаамон на Земле.

XXX

Боб опять работает. Он прилип к экрану, он не отрывает пальцев от приборной доски. Скоро, очень скоро должна загореться красная лампочка и позвать его в далекое путешествие. У него есть предчувствие – смутное, радостное и вместе с тем тревожное. Он трудится для себя, но не только для себя. Еще ради своих детей, внуков, правнуков. Им тоже надо дать возможность родиться. Как они используют этот дар – их дело. А Боб точно знает, как он распорядится своей жизнью. Он будет жить правильно. Он не будет делать глупостей. Он будет очень стараться стать счастливым. И точно так же думают все вокруг, все, кто стремится появиться на свет, жить, испытать то, что им пока неизвестно. Так думает **КАЖДЫЙ**.

ОХОТНИК

Звонок в дверь раздался не вовремя – как раз когда Люда примеряла янтарное ожерелье. Такое красивое, изящное, сделанное с тонким вкусом и выдумкой, хоть и недорогое – позолота, конечно, но как блестит! Янтарь подходил к ее глазам, кроме того, по гороскопу это был ее камень, обещающий приносить удачу и благополучие. Гороскопы Люда чтит. Например, если прогноз на ближайшее время был неблагоприятный, она строго следовала указаниям астрологов: берегла здоровье, не перегружала желудок тяжелой пищей, рискованных операций не предпринимала. В случае же напророченных приятных перспектив можно было действовать, проявлять кипучую энергию, стремиться и добиваться. Такова была ее жизненная установка, проверенная годами и показавшая себя единственно правильной.

Как не верить гороскопам! Вот, например, в вопросе выбора партнера: не дай бог Льву дружить с Весами, все равно ничего путного не получится: один прямолинейный и упертый, другой изворотливый и уклончивый – друг друга изведут и обязательно рассорятся. А вот Овен и Стрелец, например, образцовый союз: упрямство одного созвучно целеустремленности другого, и оба стремительно идут по жизни в согласии и взаимопонимании. Камни надо носить только соответствующие собственному знаку: неправильный камень притягивает неприятности и беды, а правильный гарантирует везение и успех. Вот почему Люда так любила янтарь – пусть дешевый, но приносящий удачу. И цвет хороший – оранжевый.

В дверь звонили нагло и требовательно. Люда, вначале решившая не открывать просто из принципа – от обиды, что ее отрывают от дел, все же заинтересовалась такой настойчивостью. Вздохнув, отложила в сторону ожерелье. Подошла к двери, заглянула в глазок.

Тетка была незнакомая и явно нездешняя – больно подозрительно крутила головой по сторонам, прислушиваясь, есть ли кто за дверью. Средних лет, одета в серый плащ фасона, бывшего в моде пару лет назад. На шее косынка явно с вещевого рынка. Под мышкой – большая коричневая папка. Трезвонила непродолжительными, но частыми трелями: уберет руку с кнопки, послушает, снова звонит.

«Вот ведь какая настырная», – подумала Люда и открыла дверь. Тетка, судя по всему, обрадовалась, затараторила заранее приготовленной скороговоркой:

– Добрый день! Я – работник почтового отделения В-526. Мы проводим проверку качества обслуживания жителей района, собираем пожелания и предложения.

– У меня нет предложений, – пожала плечами Люда. – Меня все устраивает.

Она хотела уже захлопнуть дверь, но шустрая посетительница не дала ей этого сделать.

– Мы также предлагаем желающим поменять замки на почтовых ящиках, – понемногу втискиваясь в дверной проем, вешала активистка отделения связи, – вы вообще обращали внимание, в каком состоянии ваш замок?

– А что такое с моим замком? – удивилась Люда.

– Его нет, – строго провозгласила незваная гостья. – Он выломан. А что это значит? Значит, корреспонденция пропадает. К нам поступают жалобы. Мы можем предложить вам установку недорогих и качественных замков, в комплект входят три ключа...

– Ну хорошо, проходите, – сдалась Люда. Строго говоря, приглашение уже не имело смысла, поскольку тетка во время пламенной речи постепенно ввинчивалась в квартиру и в данный момент проникла в коридор.

– Где можно сесть, чтобы оформить заявку? – по-деловому осведомилась новая знакомая.

– Проходите в комнату, – обреченно вздохнула Люда. – Извините, у нас не убрано.

В комнате, в самом деле, царил беспорядок. Шкаф открыт – до неожиданного визита Люда перебирала старые вещи; часть одежды валялась на полу, стол был заставлен всякой всячиной – вазочками, чашками из сервиза, коробками из-под обуви. Люда постаралась разгрести место для «оформления заявки», но у нее это плохо получилось.

– Извините, – еще раз повторила она со смущенной улыбкой, – собираю вещи на дачу.

Тетка понимающе кивнула, пробежалась взглядом по внутренностям открытого шкафа:

– Ничего, ничего. Это много времени не займет.

Сунула Люде под нос бумажку с мелким текстом:

– Ознакомьтесь. Наши предложения по улучшению работы отдела связи вашего района и повышению качества предоставляемых услуг.

Люда бумажку взяла, сделала вид, что читает – обычная белиберда: усовершенствование, ускорение, укрепление связей с общественностью и т.д., а сама краем глаза косилась на гостью.

Странная она: не такая уж и тетка, при ближайшем рассмотрении – примерно одних с Людой лет (себя Люда до сих пор называла девушкой), а выглядит старше: движения резкие, мимика нервная, ранние морщины у глаз. Курит много – голос хриловатый и передние зубы слегка с желтизной, а это не придает шарма, какими бы идеально ровными они не были. Знак зодиака – Овен. Скорее всего, Огненная Лошадь. Люда поморщилась: неприятное сочетание. Интересно, как ее зовут?

Был у Люды еще один бзик – имена. Имя определяет судьбу даже сильнее, чем дата рождения. Назвать ребенка – дело ответственное и важное, оно не терпит вмешательства посторонних. Ошибешься с именем – поломаешь человеку жизнь. Поэтому – никаких советов тетушек и бабушек, никаких семейных традиций! Выбирать должны родители, следуя своей интуиции и наитию. Впрочем, даже в случае неправильно выбранного имени есть возможность изменить ситуацию – например, остановиться на наиболее приемлемой его форме. Поэтому Люда в последнее время представлялась Люсей – с недавних пор ей казалось, что это более точно соответствует ее жизненным запросам. В случае невозможности хоть как-то изменить имя, есть запасной вариант – поменять фамилию, так как в сочетании с ней имя приобретает новое звучание...

Свою собеседницу она про себя окрестила Ольгой – вполне подходит. Вот бы узнать, соответствует это истине или нет.

Ольга, в ожидании, пока хозяйка закончит чтение, шарила взглядом по комнате.

– Ну что, ознакомились? Теперь взгляните сюда, – протянула еще один листок, на этот раз с картинками, – вот образцы наших замков. Самый экономичный вариант – китайский, стоит девяносто рублей, плюс тридцать процентов за установку. Дальше – отечественный, сто двадцать рублей, установка – пятьдесят. Неплохой механизм, но периодически надо смазывать, а то заедает. Наконец, самый надежный, производство – Англия, никогда не ломается, открывается легко, имеет три степени защиты от взлома.

Гостья воззрилась на Люду, пораженную обилием тонкостей в почтовом деле. Довольная произведенным эффектом, объявила цену:

– Двести пятьдесят рублей, установка семьдесят рублей. Дороговато, конечно, но вещь того стоит. Не пожалее. Так что выбираете?

И Ольга изучающее уставилась на Люду, словно пытаясь отгадать ее знак зодиака. Та медлила. Покрутила в руках лист с рисунками замков. Вроде бы сначала склонилась поддержать отечественного производителя, но вдруг передумала.

– Я лучше подороже, – решила она. – Триста рублей не деньги, верно? Зато надежно.

– Триста двадцать рублей, – поправила Ольга. – За качество не беспокойтесь, ничего лучше вы не найдете.

– Пусть триста двадцать, – легко согласилась Люда. – Какая разница?

Тетка открыла расчерченную на графы тетрадь и принялась старательно записывать данные.

– Внесенная сумма – триста двадцать рублей ноль ноль копеек... Улица... номер дома... корпус... Ваш номер квартиры?

– Э-э... сто семнадцать, – слегка замешкалась Люда.

– Отлично. Распишитесь, – она ткнула пальцем в страницу, – и внесите деньги. В течение недели наш мастер поставит замок и занесет вам ключи.

Люда поставила закорючку в указанном месте, принесла четыре сотенных бумажки. Тетка аккуратно отсчитала сдачу и порывисто поднялась.

– До свидания.

Все-таки было в ней что-то резкое, неприятное. И взгляд бегающий.

Люда проводила до дверей, у самого порога осмелилась спросить:

– А... как вас зовут?

Ольга недоуменно вскинула брови, как бы раздумывая, раскрывать тайну своего имени или нет. Бросила отрывисто:

– Людмила.

Быстро скрылась за дверью. Лифт не вызвала – рванула вниз пешком.

Люда вернулась в комнату, огляделась. Подошла к окну, подумала. Убрала в шкаф разбросанные вещи, навела порядок на столе. Она любила, чтобы все было аккуратно и чисто.

Телефонный справочник на книжной полке привлек ее внимание. Отыскать номер 526-го почтового отделения было делом двух минут. Люда набрала номер и задала вопрос, заранее зная ответ. Недовольная девушка на том конце провода раздраженно объяснила, что никакие замки на почтовые ящики они не устанавливают. Это не в компетенции почты. Сами разбирайтесь со своими ящиками. А сотрудницы Людмилы – брюнетки среднего роста – у них отродясь не было. Нет, и Ольги тоже. Люда повесила трубку.

Вдруг вспомнила про ожерелье, оставленное на полочке под зеркалом в прихожей. Блестящее, сверкающее янтарное ожерелье в позолоченной оправе. Направилась туда, смутно чувствуя подвох. Так и есть – яркая вещица пропала. Была – и нет ее. Сколько времени прошло с момента ухода Ольги-Людмилы? Двадцать минут? Полчаса?

«Дилетантка, – презрительно подумала Люда. – Приняла за золото. Значит, и работать будет грубо, по-топорному». Она окинула взглядом комнату. Безусловно, кое-что могло заинтересовать эту труженицу отделения связи. Техника не самая дорогая, но качественная. Богем-

ское стекло в серванте. В шкафу норковая шубка – не новая, но сгодится. Впрочем, Люду это мало волновало.

Она проверила свою сумочку – все на месте. Еще раз огляделась – чистенько, славно, смотреть приятно. Вышла из квартиры, прикрыв за собой дверь. Теперь все.

XXX

Охотником Люда стала не сразу. Раньше жила как все, не хуже и не лучше, не слишком заботясь о завтрашнем дне. Много и тяжело работать она не любила, особенными талантами не отличалась, поэтому выбрала для себя несложную работу с гибким графиком. В ход пошла машина, оставшаяся от бывшего мужа. Водила Люда давно и без проблем, поэтому подработка в фирме «Такси Москва» вполне ее устраивала. Ночью немного уставали глаза, но это ее не смущало. Общения на работе было более чем достаточно – кому не хочется поговорить с молодой симпатичной женщиной, так уверенно ведущей себя за рулем! Встречались интересные собеседники, были и романтические предложения продолжить знакомство – но пока ничего заслуживающего внимания. Случалось возить капризных клиентов, скандальных, пьяных... слава богу, без эксцессов. А однажды ее кинули.

Это было так обидно, и семья была такая приятная – родители с ребенком направлялись в Домодедово, а оттуда на отдых в Анталию, и преимущества турецкого отдыха они по дороге с Людой обсудили, и поблагодарили так любезно... Вдруг – раз! Не успела она оглянуться, как пассажиров с чемоданами и след простыл, а Люда осталась одна посреди толпы и сигналящих машин, напротив дверей зала вылета, с раскрытым от удивления ртом и неоплаченным счетом. Куда бежать? Кого ловить? Конечно, можно утешиться тем, что они очень спешили на рейс и просто забыли заплатить, но Люда в такие сказки не верила.

Само собой, она пожаловалась в диспетчерскую – у них остались все данные пассажиров, вплоть до номера квартиры, но ей ответили – сама виновата, нечего рот разевать. Впредь будешь внимательнее. И вообще, не наши проблемы. И Люда обиделась.

Дождалась подходящего дня – звезды обещали успех в рискованных предприятиях – и навестила пустую квартиру отдыхающих на анталийских пляжах наглецов. Справиться с замками особого труда не составило: в детстве Люда от нечего делать научилась слесарничать на даче у дедушки, который рад был передать внучке полезные навыки – вдруг в жизни пригодится? Пригодилось. Тем более что большинство замков легко открываются пилочкой для ногтей – это Люда уже позже выяснила, в процессе работы. Тогда, в жилище турецких обманщиков, она вернула себе причитающийся гонорар с процентами, да еще прихватила пару изящных японских вазочек – уж больно они были красивы, не могла удержаться. Впрочем, больше она так никогда не делала – впредь брала лишь деньги и драгоценности. Словом, то, что может поместиться в дамской сумочке.

Второй раз она уже целенаправленно выбрала жертву, вдохновленная первым успехом и доступностью добычи. Зачем только диспетчеры спрашивают номер квартиры у заказывающих такси? Это было на руку. Дальше – просто. Оставалось только обращать особое внимание на поездки в аэропорт и прислушиваться к разговору пассажиров. Удивительно, сколько всего можно узнать за время пути! Не надо ничего спрашивать, не надо даже оборачиваться в сторону пассажиров – сами все расскажут.

Люди, собирающиеся в дальнюю поездку, обычно нервничают. Они сто раз друг друга проверят: «Ксюша, ты закрыла все окна?», «Серез, ты воду не забыл перекрыть?», «Паспорта и билеты взяли?» Это они так сообщали Люде: мы уезжаем надолго, квартира остается пустой. Если звучал вопрос: «Саша, сигнализацию включил?» – Люда мгновенно теряла интерес.

Все шло благополучно. Работа нравилась – Люда называла ее охотой, а себя, соответственно, охотником. Она действовала решительно, но аккуратно и скромно. Брала не все найденные деньги, а половину или две трети – зачем злить людей? С другой стороны, пусть попробуют вспомнить, сколько у них было спрятано в кухонной вытяжке, в носках на полке с

одеждой, приклеено в пакетике ко дну помойного ведра... Да, народ у нас изобретательный, но для профессионала такая игра в прятки – пара пустяков. Побрякушки отбирались исходя из их ценности и красоты – такие легко было по-тихому реализовать. Особым успехом они пользовались у жен дипломатов – тем по статусу положены разнообразные и дорогие аксессуары, а где же столько денег напасешься, если приемы каждую неделю? Тут на сцену выступала Людина давняя знакомая, трущаяся в околопосольских кругах и лишних вопросов не задающая. Предлагала цапки по заведомо заниженной цене, якобы свои или, скажем, сестры, испытывающей финансовые трудности, брала с Люды небольшой процент за посредничество и благоразумно происхождением бирюлек не интересовалась. Все были довольны – и Люда с прибылью, и посредница не в накладе, и дипломаты в ажуре. Стране тоже польза.

Еще одно правило, свято соблюдаемое хорошим охотником – после себя оставлять порядок. Грязными ногами не топтать. Гадюшник не разводить. Все по полочкам сложить как было – глядишь, хозяева не сразу спохватятся. А спохватятся – милицию вызывать не станут: кто же докажет, что деньги вор унес, а, например, не муж-гуляка в ресторане прокутил? Тут еще разобраться надо. Поэтому Люда продолжала так действовать – спокойно, размеренно, наверняка. Да и кто мог заподозрить ее, с маленькой сумочкой через плечо, ювелирно управляющаяся с замками, знавшую по именам хозяев квартиры? Разве посмеет бдительная консьержка не пропустить в восемьдесят вторую квартиру «двоюродную сестру Маши», если ей убедительно рассказано, что Маша с мужем и детьми три дня назад отбыла на отдых в Карловы Вары и очень просила полить цветы – фиалки и драцену? А если потом к консьержке возникнут вопросы, что она вспомнит о невесте откуда взявшейся родственнице? А если что-то вспомнит, какой в этом толк?

Если делать все правильно, судьба будет благосклонна. Надо лишь правильно следовать ее указаниям и знать меру. И Люде везло. Вот и сегодня все прошло как по маслу – замок открылся с пол-оборота, никто ее не видел, дело сделано быстро. А визит неуклюжей наводчицы пришелся только кстати: если ее команда сработает быстро, то Людиных следов вообще никто не заметит. Жаль, конечно, было оранжевого ожерелья, так глупо упущенного. Но не должен же расстраиваться из-за таких мелочей настоящий **ОХОТНИК**.

ЖЕЛАЕТ

Задача в тот день стояла нетривиальная – прогулять физику, да так, чтобы этого никто не заметил. Казалось бы, что может быть проще: сбежать с последних двух уроков – физики да и биологии заодно, чего уж там мелочиться, но это была лишь кажущаяся простота. Когда дошло до дела, оказалось, что для осуществления плана надо виртуозно обойти множество препятствий – мелких и крупных. Крупное препятствие – это, конечно, директриса, дефилирующая обычно после пятого урока по первому этажу и высматривающая нарушителей порядка; вообще-то, у Веры с ней были хорошие отношения, но сегодня, после недавнего инцидента, на глаза ей попадаться не стоило.

Вторая возможная неприятность – встреча с мамой в школьном дворе, где как раз в это время она имеет обыкновение выгуливать малышей. Здесь все зависит от ловкости и быстроты реакции: если заметить маму издали и вовремя рвануть в противоположную сторону, то, может быть, и прокатит.

Наконец, предстоит объяснение с физиком на следующем уроке – почему не была на самостоятельной, где справка, в понедельник чтоб пришла на дополнительные, но это – самое легкое: про пропуск урока можно что-нибудь наврать насчет головной боли или, что эффективнее, тактично намекнуть на внезапно начавшееся женское недомогание (физик смутится и отстанет), а на дополнительные занятия Вера как раз с легкостью ходит, потому что Алексей Васильевич дает задание и уходит курить, и в это время можно у всех понемножку списать – глядишь, на тройку наберешь. А может, и на четверку – как повезет. Не то что на уроке во

время контрольной – там учитель зверствует и у всех ладони проверяет (знает, что шпаргалки на руках написаны). Вера пробовала на коленках писать, но это неудобно, надо юбку надевать вместо привычных джинсов.

В общем, понятно, почему ей на физике показываться никак нельзя – ведь Алексей Васильевич ясно сказал: кто на какую отметку самостоятельную работу напишет, тот то же самое в четверти получит. Нет, не хватало только неприятностей в конце учебного года, и так мама вечно пугает: плохо закончишь – никуда не поедешь, все мозги своими нотациями выносит. Самое смешное – Вера знает, что тур уже заказан и частично оплачен, и не такие дураки родители, чтобы в воспитательных целях свои деньги потерять; и мама знает, что Вера знает, а все равно продолжает угрожать. Наивная. Но лишних скандалов и нравучений все равно лучше избежать и пощадить нервы, свои и мамины. Именно с этой гуманной целью Вера и собиралась забить на физику в этот солнечный майский день.

Первый этап намеченного плана прошел успешно: Надежду Петровну куда-то вызвали, и путь через первый этаж был свободен. Рассекая толпу пяти-шестиклассников, вполне законно покидающих школу после пятого урока, Вера с облегчением подумала, что ей везет. Встреча с директором никак не входила в ее планы, пока Надежда Петровна не отошла от вчерашнего впечатления, произведенного зажигательным танцем «Пушка-пука» в исполнении Веры и Полины в пустом классе после дежурства. Авторство принадлежало Полине, хореографическая постановка тоже. Движения танца были впечатляющими и гениальными в своей простоте: размахивая швабрами, девочки скакали по партам, сопровождая буйство пляски пронзительными возгласами: «Пушка-пука! Уа-уа!» Все это великолепие, по замыслу Полины, совершалось совсем уж неприличными звуками, производимыми при помощи речевого аппарата, в чем они с Верой достигли совершенства благодаря постоянным тренировкам.

Вы думаете, восьмиклассницы не способны на такое? Еще как способны! Вот и Надежда Петровна, проходившая по кабинетам с проверкой, как идет уборка, удивилась, до какой степени она недооценивала этих 14-летних девочек (или девушек? в общем, тинэйджеров). Конечно, она сама виновата – чего входит без стука? Вот и увидела то, что ей видеть не следовало. А в остальном все было нормально – Вера с Полей все довольно-таки чистенько убрали. Но все равно, хорошо, что сегодня директора не было.

Этап «бегом от мамы» тоже был пройден с честью. Процессию «Яна на велосипеде – Гоня сзади на самокате – мама за Гоней» Вера заметила с самого школьного крыльца. Сестра ее, конечно, увидела, но Вера сделала страшные глаза и прижала палец к губам: мол, не болтай, секрет! Яночка, умница, все поняла, закивала головкой, как ни в чем не бывало покатила в другую сторону. Молодец, решила Вера, жвачку заслужила. Конечно, все равно проболтается маме, но, даст бог, не сразу, не сегодня. А потом уже будет неважно, Вера и сама расскажет о своей хитрости, главное, чтобы времени прошло побольше, и тогда сегодняшняя история станет уже неактуальна. Девочка стрелой рванула за угол и скрылась позади школьного здания, пока мама не успела поднять голову и оторваться от еле управляющегося с самокатом и потому недовольного жизнью Гони. Самое сложное осталось позади, все остальное – сущая ерунда: бегом мимо поликлиники, вниз по ступенькам в соседний двор, а потом кружным путем на опушку лесопарка, где можно остановиться и отдышаться – здесь никого из знакомых точно нет, только мамыши с колясочками и собачники изредка встречаются.

Вера рухнула на деревянную скамейку и, довольная своей ловкостью, вознаградила себя пирожком, предусмотрительно купленным в столовой на большой перемене. Предстояло пережить еще полтора часа одиночества, и можно будет, как ни в чем не бывало идти домой. Казалось бы, чего проще – посидеть в парке, жуя вкусный пирог с яблоком и греясь под почти летним солнцем; никто тебя не дергает, к доске не вызывает, знай наслаждайся свободой! Но Вера не любила быть одна, без друзей или, на худой конец, без интересной книжки, поэтому сразу в голову полезли мысли грустные и философские.

Например о том, что на биологии наверняка будет весело, потому что Леша всегда прикалывается, когда учительница к доске отворачивается – вскакивает на парту и изображает макаку; а она, Вера, все веселье пропустит. Еще подумалось о маме – она такая доверчивая, даже ничего не заподозрит, когда дочь придет домой, как и положено, после седьмого урока, хотя и уверяет, что материнское сердце все чувствует. Ерунда это – Вера сколько раз скрывала правду, и все сходило с рук; если мама чего-то и узнает, то спустя много времени, когда ругаться и наказывать уже не имеет смысла. Даже жаль ее – так и живет с твердой уверенностью, что все у нее под контролем, а на самом деле старшая дочь уже давно самостоятельно принимает решения и строит свою жизнь так, как хочет...

Тут Вера задумалась – действительно ли она хозяйка своей судьбы? По всему выходило, что так: какую одежду носить и как причесываться она сама выбирает, родители давно смирились с тем, что в школу дочь ходит «лохматая, как ведьма с лысой горы» и в драных джинсах; с кем дружить ей тоже никто не указывает; ну а бесконечный бубнеж по поводу учебы и неудобной кровати можно и потерпеть – мама ведь жить не может без того, чтобы не ворчать. Только и слышно: «Приберись в комнате, вымой посуду, не разбрасывай вещи...» Скукота. Не могут эти взрослые радоваться жизни.

Потом Вере стало грустно, как это часто бывает в конце учебного года, что скоро предстоит долгая разлука с друзьями, но она тут же вспомнила о предстоящей летней поездке, и повеселела. Сразу представилось море, золотистый песочек, пальмы, как в рекламе шоколада по телеку. Что еще нужно для счастья? Разумеется, хорошая компания, веселье, дискотеки на пляже... На дискотеки Вера начала ходить не так давно и поняла, что много чего упустила в жизни: ведь нет занятия прикольнее, чем скакать под оглушительную музыку, орать что-нибудь на ухо соседу, пытаясь перекричать вой динамиков, а потом хором подвывать под бессмысленный, но очень заводной хит – вот оно, счастье! По крайней мере, одна из его разновидностей.

Вот ведь какое чудесное время года – лето! И тепло, и на душе легко, и учиться не надо... Зачем придуманы все остальные сезоны, если достаточно было бы лишь одного – вечного счастливого лета с его радостями и развлечениями! Вера прикинула – до начала июня еще целых пятнадцать дней, но за это время надо как-то уладить ситуацию с физикой, написать итоговые контрольные по алгебре и русскому, сдать экзамен по истории... Работы – куча, а она здесь прохлаждается. Девочка вздохнула.

Тяжелая штука – жизнь, и она ничуть не становится проще с возрастом. Количество обязанностей и ответственность все больше, так что справляться с этим грузом нет никакой возможности. Как же глупы те дети, что хотят поскорее вырасти! Вот Вера совсем не торопилась взрослеть. Что за удовольствие – принадлежать к миру скучных зануд, с их вечными проблемами и нравоучениями, не умеющих ни радоваться, ни веселиться по-настоящему! Неужели они когда-то были детьми, бегали, смеялись, играли, мечтали и не ведали, в кого они со временем превратятся? Здесь Вере стало немного страшно, потому что мысль развивалась дальше уже сама по себе: а какой будет она сама лет через двадцать? Тридцать? Подумать страшно – сорок?

Нет, так долго я жить не буду, решительно сказала себе Вера. Старой не буду точно. Всех поучать, брюзжать, впадать в маразм – нет уж, спасибо. Надо будет постараться умереть молодой и красивой. Чтобы всем было меня жалко. Чтобы меня запомнили веселой, энергичной и...
– Че сидишь?

Мысли о преждевременной кончине были внезапно прерваны появлением существа очкастого и нестильно одетого. Предмет сей, грузно опустившийся на скамейку рядом с Верой, звали Гошей. Гоша учился в десятом классе и, сам того не ведая, был предметом тайной и тщательно скрываемой страсти Машки, Вериней одноклассницы. Именно потому, что Машка усиленно охраняла свой секрет, о ее несчастной любви знал весь класс, и только ленивый не

обсуждал, что именно такая нормальная во всех отношениях девчонка могла найти в таком отстойном додике, как Гоша.

В принципе, Гоша был не так уж плох: парень он был рослый, фигуристый, и на морду ничего. Но какой-то недотепистый – музыку не слушал, не тусовался, одевался как попало. Первого сентября появился в школу в костюме. Вот отстой! Еще бы галстук-бабочку нацепил. Сутулился сильно, ногами загребал и учился хорошо. Такой вот кадр. Повезло Машке, чего уж говорить.

С речью у Гоши, видимо, тоже было не все в порядке. Вера прикинула: как бы находчивее и прикольнее ответить на его вопрос, но ничего не придумала, потому сказала просто:

– А тебе че?

– Так, ниче, – поддержал Гоша дружескую беседу и расположился поудобнее, вытянув длинные ноги и откинувшись на спинку скамейки. Даже не спросил, хочет ли Вера рядом с ним сидеть. Придурок. Но все же приятно было, что парень на два года старше обратил на нее внимание. Или не на нее? Может, он про Машку догадался? Тогда надо подружке помочь. Как бы тактично намекнуть, что Машка на него запала?

– Дай че-нить пожрать, – жалобно попросил Гоша.

Немного обалдев от такой просьбы, Вера молча протянула остатки пирога. Не поблагодарив, Гоша съел и задумался.

– Еще есть? – после недолгого молчания спросил он.

Вера покачала головой, исподтишка глядя в носатый профиль и недоумевая, чего это Машка так тащится от этого чмо.

Гоша горестно вздохнул:

– Выхода нет. Стопудняк, придется мириться с матушкой. Иначе кормить не будет.

Вера сразу вспомнила Гошину матушку – известную всему району деловую дородную матрону. Странно было, что она морит своего сынулю голодом.

– Поругались? – сочувственно спросила она.

– Ну да, – злобно ответил Гоша и замолчал.

– А зафиг? – продолжала сопереживать Вера.

Гоша ответил не сразу. Пошевелил бровями, подергал носом, будто удивляясь вопросу. Потом выдал кратко:

– Походу меня родаки спалили.

«Вероятно, родители застали меня кое за чем нехорошим», – по привычке мысленно перевела Вера. Необходимость переводить с молодежного языка на «старперский» возникала достаточно часто, особенно в разговоре с мамой, которая отказывалась воспринимать современный сленг таким, как он есть, и с тупым упорством сумасшедшего лингвиста уродовала слова, экспериментируя с суффиксами и приставками. Если есть глагол «спалить», утверждала мама, значит, должен быть «запалить», «перепалить», «недопалить» и так далее. А когда мама начинала пытаться дочь на предмет переходности глаголов, возвратности, сочетаемости, падежных окончаний существительных и прилагательных, то голова шла кругом, и Вера жалела о каждом неосторожно оброненном слове. Вот почему дома приходилось контролировать себя и вести разговор лишь на понятном старшему поколению языке.

– А ты это... чего не в школе? – вспомнила вдруг Вера. Тему о Гошином конфликте с родителями она решила деликатно замять.

– А ты?

– Я прогуливаю, – гордо ответила девочка.

– Па-анятно, – протянул Гоша и прибавил: – ... эту школу. ... эту жизнь.

Ругань Вера не любила, хотя сама ругаться умела почти как пьяный слесарь. Это она на всякий случай выучила – мало ли где пригодится. Но когда парни ругаются при девчонках – это противно. Поэтому она пнула Гошу ногой по коленке и сделала ему замечание:

– Ну ты, лох. Фильтруй базар. Здесь дамы.

И она с оскорбленным видом отвернулась. Гоша ошарашено уставился на нее, впервые за весь разговор соизволив поднять глаза. Боковым зрением Вера наблюдала за ним – растрепанные волосы, оттопыренные уши. Глаза, пожалуй, хороши – голубые, с длинными ресницами, но за очками этого сразу не заметно. В остальном ничего особенного. Пойми ее, эту Машку. Под большим секретом поведала о своих страданиях, взяла с Веры страшную клятву, что та будет молчать и даже под пытками не расколется, а потом сама же нацарапала мелком на стене в туалете: ГОША+МАША. Скандал был страшный, потому что синий мелок с побелки не оттирался, и завуч приходила выяснять, кто мог это сделать... А Маша потом объяснила Вере, что она это написала потому, что не могла больше молчать. Что ее распирает от любви. И еще чтобы пропиариться. Поднять свой рейтинг, так сказать. Странный у Машки рейтинг. Еще и лопухий – Вера сейчас заметила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.